

А утром в бой.

И мысли убегают

В далёкие по времени края.
И в памяти года перебирают,
Где ниточкой означена моя
Житейская недлинная дорога
И юности живой ушедшие друзья,
Для вечеров приятная тревога
И для ветров открытые поля.

И много и хорошего, и вздора
Мне помнится из тех минувших лет.
Мне чудится степной зелёный город,
В окне знакомом уж зажётся свет:
Я вижу осенённое заботой
Над спешной утомительной работой,
Над книгами за письменным столом
Лицо отца.

Листая толстый том

О тяжестях и о сложенных силы,
Он между строчек думает о нас,
И счёту дней до Гитлера могилы
Он время уделит, наверное, не раз.
Когда снаряд последний разорвётся,
Салютом дни Победы возвестят,
Из дальних стран сынок его вернётся,
И дни прошедшим счастьем полетят.

А рядом тайной мукой озарённые

Его подруги нежные глаза.
Покой и радость сыном унесённые,
И на ресницах капелька-роса.
Любимый сын в бою.

Он так далёко.

Она от них мечтой не отстаёт
И почту ждёт, как праздничного срока,
А нет письма, украдкою всплакнёт
И, подойдя к знакомому портрету,
В раздумье тяжком надолго замрёт.
«Управятся ли наши этим летом?» –
Вздохнёт она и фрица проклянёт.

И милую туманную фигурку
Ищу глазами около родных.
Как часто тут она в мою конурку
Являлась тайно среди снов ночных,

Чтоб подкрепить меня

своим приветом.

И становилось тихо в головах,
И озарялся мрак чудесным светом
От ласковой улыбки на устах.
И под шинелью

в ветреной землянке

Как будто становилось мне теплей.
И утром, умываясь на полянке,
Я полон был лишь мыслями о ней.
Хотелось бы,
чтоб сбылось так, как снилось,
И в этот час, растянутый войной,
Ей чуть взгрустнулось,
что-то изменилось,
Она была бы чуточку со мной...

Ведь я иду на бой.

В походе трудном

Изменчива фортуна для людей!
Иль гибель ждёт тебя на поле судном,
Иль будешь ты свидетель этих дней?
В каком краю от битвы отдохнёшь?
Каких побед великих имя носит
Тот путь, который ты пройдёшь?
Чтоб в старости детишек позабавить
Рассказами о подвигах своих,
Глазёнки их огнём гореть заставить,
Любовь к отцам,

к Отчизне видеть в них...

Я, кажется, увлёкся в чудной были.
Давно о рельсу стукнули отбой,
Густые тени уж землянку скрыли,
Отправилась гармошка на покой.
И тишину ночную рассекает
Поблизости подсевший соловей.
Один лишь он усталости не знает,
Порхая одиноко среди ветвей.
И я не сплю.

И песне той внимаю,

Пока не обагрил небес восход,
И звёздочки, с рассветом погасая,
Напомнили, что нам пора в поход.

12.07.1944

Под Тарнополем

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

На пути к Берлину

Почему этот звёзд хоровод
 На бескрайнем просторе не гаснет?
 Запоздал, запоздал восход,
 Глушь лесная во мраке вязнет.
 И тревогой наполнен лес:
 То почудятся тени в чаще,
 Речи тихой чуть слышен всплеск,
 Бледный луч, по ветвям скольльзящий.
 Напрягаюсь до боли глаз,
 Ветерок чуть затронет ветку.
 И хотелось уже не раз
 До предела нажать гашетку.

Я лежу на земле ничьей.
 Где-то рядом враги засели.
 Охраняя друзей покой,
 Я укрылся меж веток ели.
 Без очков на глаза я плох,
 Но очки ведь всегда со мною.
 Не застанут враги врасплох,
 Я такой тарарам устрою!
 ...Видно, пятый уж час пошёл.
 Звёзды гаснут у края свода.
 И, лаская холодный ствол,
 Жду я страстно зари прихода.

В ЛОВУШКЕ

Крепко нас «костыли» пробомбили.
 Целой стаей враг налетел.
 Как в ловушку мы заскочили,
 И изрядно наш полк поредел.

Мы машины укрыть не успели,
 Да и некуда было свернуть.
 Гансы, видно, заране сумели
 Перекрыть нам завалами путь.

Это так неожиданно было...
 Кто-то крикнул:

– Смотри, самолёт!

А уж бомба зловеще завывала,
 И асфальт закрошил пулемёт.

Захватив по привычке винтовку
 (Без винтовки ни шагу солдат!)
 Мы резвей, чем в часы подготовки,
 В закипевший посыпались ад.

Залегли мы на радость фашистам
 В неглубокий дорожный кювет.
 Бомбы резали воздух со свистом,
 И казалось – спасения нет.

И тогда, спотыкаясь о кочки,
 Через луг, кто ползком, кто бегом,
 Мы укрылись в соседнем лесочке.
 Здесь хоть тень между мной и врагом!

И кровавыми плача слезами,
 Чуть в укрытие только зашли,
 Непокорными в злобе руками
 В самолёты стрельбу повели.

И пока нас глухим покрывалом
 Ночи сумрак совсем не прикрыл,
 Нескончаемым бомбовым шквалом
 Нас фашист неустанно долбил.

1945 На дороге машины горели,
 По асфальту их взрыв разметал.
 И в кювете застыли шинели.
 Ведь не каждый в лесок добежал...

В этот день нам изрядно попало,
 И заметно наш полк поредел.
 Как и многих, кусочек металла
 И меня мимоходом задел.

1945
 Западная Украина

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Что ты смотришь, девчурка, пугливо?
 Не дрожи, как лесная газель,
 И не прячь своих глаз торопливо,
 Лишь мою ты заметишь шинель.

Я покой ваш совсем не нарушу.
Я замёрз и смертельно устал.
Отогрей-ка солдатскую душу,
Дай мне чаю покрепче бокал.

И откинь ты лихую тревогу,
Я подушек твоих не сомну.
Постели на полу мне к порогу,
Я на часик хоть лягу, вздремну.

И не надо, Ирена, креститься.
Отгрохочет в Германии шквал,
И, быть может, ты будешь гордиться,
Что у вас я сейчас ночевал.

5.03.1945

Силезия

ТОЛЬКО СОН

Давно уж забыли
Зловещий пушек гром.
А если громы были,
То только за бугром.

И вот меня объяло
Волнение злого сна,
Ужом под одеяло
Вновь пробралась война.

Я тяжкий бой увидел,
Где смертный дух витал.
Я бился, ненавидел,
Куда-то убегал.

И вдруг меня накрыла
Кипящая волна.
И в жилах кровь остыла,
С косою пришла Она!

Приблизилась вплотную
С безжалостной судьбой.
Я помянул родную
И тут закончил бой.

Услышать – дело скверное –
Войны бездушный глас.
А в этот час, наверное,
Стреляет внук у нас.

1992

Павел Николаевич Бабин (1922–1999). Прошёл Великую Отечественную войну в составе Уральского Добровольческого танкового корпуса, 4-й Гвардейской танковой армии: Орловско-Курская дуга, бои под Киевом, ликвидация Корсунь-Шевченковской группировки, Сандомирский плацдарм, Польша, Силезия, поворот на Берлин... Сочинять начал ещё до войны, а на фронте не только писал стихи, но «выпускал "Боевые листки", проводил беседы на исторические и литературные темы, читал книги длинными вечерами в землянках... переводил стихи Гейне...» Окончив в послевоенные годы Технологический институт в Чимкенте, посвятил себя науке – у него более 350 научных трудов, в том числе 8 монографий. Поэзию не оставлял до последних дней, написал около 900 стихотворений.

